

В. А. Щученко

ПРОЦЕССЫ АНАЛИЗА И СИНТЕЗА В ПЕРЕХОДНУЮ ЭПОХУ. К СТОЛЕТИЮ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Категории «анализ» и «синтез» рассматриваются в статье в процессуально-историческом приложении. С этим связана и основная проблематика исследования: аналитические и синтетические процессы в переходную эпоху, ценностное и теоретическое осмысление революции, переходный характер современной истории России. Библиогр. 7 назв.

Ключевые слова: анализ и синтез, переходная эпоха, аксиология и теория, революция.

V. A. Shchuchenko

THE PROCESSES OF ANALYSIS AND SYNTHESIS IN THE TRANSITIONAL EPOCH. TOWARD A 100 YEARS OF THE RUSSIAN REVOLUTION

The categories “analysis” and “synthesis” are considered in the article with a processual-historical approach. The main problem of the survey is bound precisely to the following: analytical and synthetic processes throughout the transitional epoch, value and theoretical interpretation of the revolution, the transitional character of the contemporary Russian history. Refs 7.

Keywords: analysis and synthesis, transitional epoch, axiology and theory, revolution.

Революция 1917 года — кульминационный пункт переходной эпохи. И уже поэтому темы революции и переходной эпохи тесно переплетены. Вместе с тем логический центр статьи — рассмотрение анализа и синтеза как процессов, протекающих в эпоху перехода от одной исторической реальности к другой, т. е. процессов, в определенной мере осознаваемых, заданных историческому субъекту как некоторая небывшая объективная данность, властно требующая понимания — и не только ценностного, но и доказательного, понятийно проработанного, научного.

Сформулированная таким образом проблема актуальна также и с социально-практической точки зрения. Историческая практика последнего столетия вынуждает поставить вопрос о том, завершилась или нет переходная эпоха, сформировалось ли уже сегодня синтетическое единство в общественной жизни и культуре, т. е. их устойчивое и органическое качество, или все еще явным образом сохраняются и даже довлеют процессы аналитического обособления и разъединения?

Как бы то ни было, феномен переходной эпохи революции не осмыслен в полной мере теоретически, объективно и доказательно, т. е. в форме, свободной от ценностных пристрастий, идеологизаторских передержек, утопий и иллюзий.

Категории анализа и синтеза, следует уточнить с самого начала, рассматриваются, как правило, в гносеологическом аспекте, будь то познание на уровне здравого смысла или познание на уровне теории и методологии. Однако есть и другой аспект использования этих понятий — онтологический, когда «анализирует» и «синтези-

Щученко Владимир Александрович — доктор философских наук, профессор, Русская христианская гуманитарная академия, Российская Федерация, 191023, Санкт-Петербург, наб. реки Фонтанки, 15; vladalex40@mail.ru

Shchuchenko Vladimir A. — Doctor of Philosophy, Professor, Russian Christian Humanitarian Academy, 15, nab. Fontanki, St. Petersburg, 191023, Russian Federation; vladalex40@mail.ru

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2017

рует» как бы сама объективно данная историческим субъектам реальность, далеко не сразу и далеко не во всей полноте осознаваемая этими «субъектами».

И вот этот второй аспект чаще всего ускользает от исследователей. Вместе с тем кое-какие мимоходом сделанные замечания по этому поводу можно обнаружить. Прежде всего у тех, кто искал пути гармонизации, упорядочивания и органического синтеза в жизни и культуре.

Концепция «цельной синтетической жизни» В. С. Соловьева пронизана духовными интенциями христианства, среди которых выделяются следующие: духовный иерархизм, свободный, творческий импульс, заданный высшими ценностями христианской веры, органическая «примиряющая» природа христианского синтеза, где все элементы жизни и культуры не могут быть отвлечены друг от друга, но пребывают в синтетическом единстве [1, с. 315–318].

Другой религиозный мыслитель, Н. Ф. Федоров, выдвинул концепцию «имманентного воскресения» как синтеза, «общего дела», единения веры и разума, «воли Бога» и «регуляции» природной и общественной жизни [2, с. 496–497].

На необходимости выстраивания нового «великого» культурного синтеза настаивал во многих своих статьях, особенно в 30-е годы XX столетия, мыслитель русского зарубежья Г. П. Федотов. Многие его статьи пронизаны духом синтеза — социально-культурного опыта дореволюционной России, русского зарубежья и противоречивых процессов в Советской России, традиционных форм и реалий революционного разлома, метаисторических констант и рационально осмысленных конкретно-исторических форм [3, с. 265–269].

Среди западных мыслителей XX в. выделяется фигура Э. Трельча, который как раз специально исследовал проблему социального и культурного синтезирования в ситуации настоящего, современного [4, с. 141–151]. Логика исторического синтезирования, в том числе и применительно к современной российской действительности, изучалась и в последние годы [5, с. 111–180].

Менее «повезло» категории «анализ» в том ее приложении, которое относится к изучению истории как онтологически данного процесса. Пожалуй, только проницательный Н. Я. Данилевский мимоходом заметил, что категории «анализ» и «синтез» целесообразно использовать не только в логико-гносеологическом плане, но и в аспекте онтологическом, т. е. при обращении к процессуально-историческому движению истории от «недифференцированного состояния» к выделению отдельного, индивидуального, так сказать, к аналитической индивидуализации, а затем к соединению, синтезу выделившихся «индивидуальностей». Н. Я. Данилевский пишет так: «Подобно логическому процессу мысли в индивидуальном духовном существе, раскрылись и в логическом ходе всемирной истории — путем анализа отдельные истории культурного движения из первоначального (недифференцированного) состояния, представителями которого были древнейшие государства Азии и Африки, а затем наступил, по-видимому, момент для процесса синтетического слияния в истории германо-романских народов. Обстоятельства времени благоприятствовали осуществлению такого синтеза» [6, с. 405–406].

Общественная жизнь онтологична, т. е. развивается как объективный естественно-исторический процесс. Столь же верно и то, что исторический процесс гносеологичен и субъективен, т. е. он осознается, оценивается, изучается. Онтология и гносеология, конечно, взаимосвязаны, составляют единое целое, ибо позна-

вательные инструменты так или иначе коррелируют с объективно данными, бытийственными процессами.

Историческое развитие, если рассматривать его как объективно данное сознанию целое, хронотипично, конкретно и в качестве такого подчиняется специфике своего места и своего времени. Есть, однако, и общие закономерности исторического движения, в том числе и чередования аналитических и синтетических процессов в рамках становящихся, ставших и уходящих исторических эпох, народов и государств. Аналитические и синтетические тенденции действуют на всех этапах их исторической жизни. Следует, тем не менее, уточнить, что аналитические характеристики господствуют на стадиях уходящих социальных образований, т. е. в тот период, когда на поверхности общественной жизни явно выступают черты упадка, хаоса, распада на элементы, «элементаризации» и др. Здесь зарождается синтетическая тенденция, но сам синтез являет себя в явной развитой форме на стадии восходящего развития, т. е. тогда, когда революционный порыв сменяется установкой на эволюцию, беспорядок и хаос — на стремление к порядку, «элементаризация» — на систематизацию.

Постижение онтологии аналитических и синтетических процессов осложнено в силу того, что исторические субъекты сталкиваются с небывшими процессами и используют самые разные объяснительные модели. Притом все эти модели могут быть сведены к двум — ценностной и теоретической. Первой и основополагающей является ценностная модель, ибо с нее начинается рефлексия по поводу аналитического, беспорядочного, во-первых; синтетического, упорядочивающего, животворящего объединения, во-вторых.

Онтологические, бытийственные процессы анализа (распада, хаоса) и синтеза (упорядочивающего, гармонизирующего соединения) отзываются в духовно-душевном мире и поведенческих реакциях всех без исключения современников — и религиозных провидцев, наделенных мистическим даром и способностью к ценностному осмыслению современных процессов на критериальной основе Писания и Предания и богословской мысли; и философов культуры, возвещавших «закаты» новых эпох, наступление прогресса с его радужными обещаниями или упадка с его реальными бедствиями, спорящих по поводу роли привычных традиций и пугающих инноваций, славящих или проклинающих революционные встряски; и художников слова, кисти, резца и др., приветствующих или отвергающих новые реалии жизни новых героев, новые идеалы; наконец, простых людей, уставших от распада, хаоса и нацеленных на соединение распавшихся частей, на порядок и согласие.

Среди этих шумных голосов, оценивающих реалии аналитических и синтетических тенденций, звучат и негромкие голоса специалистов-гносеологов, озабоченных осмыслением теоретико-методологической значимости понятий анализа и синтеза в истории прошлого и настоящего.

Анализ и синтез в их приложении к исторической жизни методологически целесообразно использовать именно тогда, когда необходимо вскрыть процессуальную сторону ценностно-познавательного (культурогенного) и теоретического (научного) освоения историческими субъектами формирующихся в обществе ориентаций, — либо на синтез, соединение, единство многообразного, либо на анализ, т. е. на отстаивание частных позиций, обособившихся в ходе распада некогда устойчивой системы.

Соотношение теоретического и ценностного осмысления в гуманитарных науках, исторических по своему характеру — проблема если не новая, то уже точно находящаяся где-то на обочине научных интересов. Это происходит, по меньшей мере, в силу двух причин. Во-первых, потому что осмысление исторического движения — это всегда двойственный познавательный акт — ценностно-познавательный и теоретический. И разделение этих двух форм познания — столь же необходимое, сколь и необычайно сложное. Причем ценностное осмысление всегда довлеет над теоретической рефлексией. Ибо *все* субъекты исторического процесса (а не только профессионалы-ученые, далеко не самая влиятельная группа в любом государстве) с той или иной степенью полноты и глубины оценивают действительность как основополагающий, непосредственно данный мотивирующий фактор, а также потому, что за оценками стоят интересы — экономические, политические, религиозные и другие — в любом случае получившие групповую, идеологическую санкцию.

Проблема тут, следует уточнить, не только в том, что научные истины и ценностные предпочтения с трудом поддаются разграничению. Сложен и сам процесс научной рационализации ценностной конкретики историко-культурного развития — как истории культуры в целом, так и в процессах анализа и синтеза. Тут следует учитывать, по меньшей мере, три аспекта. Во-первых, познавательное движение от ценностно-познавательного к научной рациональности относительно облегчено в том случае, если речь идет о завершившихся в прошлом процессах, особенно если это отдаленное во времени прошлое. Потому что историческое качество прошлого (цивилизации, эпохи, периода) вполне обозначилось, и уже вполне сформировались школы, подходы, концепции. Во-вторых, рационализация этого двойственного процесса протекает в настоящем, где аналитико-синтетический цикл не завершился, где надо еще понять — идет усиление аналитических моментов упадка или нарастание синтетических тенденций. В-третьих, наконец, здесь есть один аспект, который можно определить как трудно осуществимое рационалистическое «очищение» сознания теоретика от ценностных пристрастий. Сегодня, как и всегда, немало тех, кто выдает свои субъективные предпочтения за научную истину, да еще в последней инстанции. Лекарство от этой «болезни» — сопоставление разных точек зрения на объект, а также и сама историческая практика, которая свидетельствует, где тут наука, а где ценностно пристрастные «пожелания».

Чередование, смена аналитического и синтетического процессов, закономерно, необходимо, неотвратимо. Но, разумеется, с аксиологической точки зрения синтез в конечном счете предпочтительнее, ибо за ним стоят перспектива, порядок, организация, осознание необходимости гармонизации общественных отношений. Соответственно аналитические процессы социокультурного развития крайне нежелательны, ибо они характеризуются нарастанием беспорядка и хаоса, дезорганизацией и разложением. Преобладание синтетических начал вполне можно обозначить как расцвет, а нарастание аналитических тенденций — соответственно как упадок. Но подчеркнем, что использование понятий «расцвет» и «упадок» целесообразно в процессе оценивания исторической действительности. Научно-теоретическое исследование требует другого — доказательного проверяемого рационального рассмотрения причин и следствий, законов, типологий и т. д.

В любом хронотипическом образовании (эпоха, государство, этнос и др.) признаки подъема (синтеза) и упадка (анализа) сосуществуют; в ситуации подъема

нарастают объективно, а на завершающей стадии становятся господствующими и начинают осознаваться историческими субъектами (теоретиками в том числе) тенденции упорядочивающего, гармонизирующего, объединяющего характера; а в ситуации упадка развиваются, укрепляются прямо противоположные процессы — беспорядка, хаотического брожения, рассогласования, противоборства интересов, их ценностно-познавательного и научного осмысления.

Каким видят окружающий мир исторические субъекты на разных стадиях исторического становления эпохи? Каковы те важнейшие типологические характерные ценностно-познавательные ориентации, которые должны быть здесь выделены?

На стадии аналитического распада, разложения ценностных миров, когда завершается эпоха и начинается новая, действительность представляется чаще всего как некое хаотическое образование, с трудом поддающееся «высветляющей рационализации», разумному упорядочиванию. Утверждаются как претендующие на научную рациональность далекие от науки представления, что делает очень многих неспособными встретить вызовы времени. Пытаясь ценностно определиться по отношению к настоящему и будущему, зачастую обращаются к утопической, романтизированной, эстетизированной идеализации прошлых эпох и, как правило, ближайшей, уходящей. Идут активные художественно-творческие поиски, формируется стилевое разнообразие. Дробление происходит и в религиозной сфере. Отступают и ослабевают традиционные религиозные конфессии. Рождаются новые конфессии и секты. Начинается ожесточенная борьба «всех со всеми». Усиливается, наконец, миростроительный активизм в экономике, политике, религии и других сферах общественной жизни. Предлагаются самые разные варианты социального программирования. Упомянуть надо и о том, что на этой стадии растет ценностная неопределенность; ценностный разброд становится кричащим. Ослабевают ценностный иерархизм; низшие ценностные ориентации (восходящие прежде всего к цивилизованной и витальной сферам), а также ценности, явным образом антикультурные, упаднические, «зверочеловеческие», агрессивно распространяются на культурном поле. Одновременно множатся примеры яркого нравственного идеализма, нередко окрашенного в тона романтизированных утопий. На стадии аналитической дезорганизации — дефицит перспективных, животворящих связей социокультурного плана. Такие связи становятся нередко случайными, агрегатными, а потому недолговечными. Наступает время мимикрии, когда искусственные, случайные связи объявляются необходимыми и нацеленными на «светлое будущее». Это как раз то, что Г.В. Флоровский называет «сростками» [7, с. 500] как образованиями агрегатными, неорганическими, сдерживающими хаос, устанавливающими некий внешний и механический порядок.

На синтетической стадии развития эпохи усиливается авторитет рационализирующих начал во всех сферах культуры (включая религиозную). Рационалистический подход мыслится в качестве силы, гарантирующей единство и сплоченность, упорядоченность и организованность, согласие и совместные перспективы в социально-практической жизни. Творчество ставится выше догматического застоя. Теперь выделяются и усиливаются установки на «цельную синтетическую жизнь», на упорядочивающую сторону бытия. Рационалистический подход к действительности ставится очень высоко. Именно разум, притом разум одухотворенный,

т. е. опирающийся не только на детерминанты практического, инструментально-технологического плана, но и на абсолюты религиозного, нравственного, эстетического характера. Религиозные, философские, этические и эстетические поиски нацелены на широкий системный охват разных сфер культуры и жизни, познаются как начала взаимообусловленные, пронизанные общими ценностями установки.

Есть еще одна сторона ценностного противостояния на стадиях анализа и синтеза — социально-психологическая. На стадии аналитического распада царят, хотя и не безраздельно, пессимизм, растерянность, беспокойство. Чувственно-эмоциональная стихия захлестывает разум, рационалистическую плотину. Низшие начала жизни нередко гиперболизируются. Склонность желаннее долга, а наслаждение — труда. Возможности многообразны, случайны и уже поэтому кажутся ненадежными, неосуществимыми. В ситуации культурного синтеза растет оптимизм, поддерживаемый общей волей коллективов. Растерянность и расхлябанность уходят; укрепляется, напротив, настрой на собранность как на перспективное для будущего соединение разрозненного.

Конечно, нарисованная здесь картина анализа и синтеза как исторических процессов имеет обобщенно-типологический, а потому в известной мере спрямленный характер. В познании общественных процессов, неисчерпаемых в своей глубине, можно только продвигаться ко все более полной конкретизации. Любая историческая общность развивается в индивидуализированной, специфической форме. Конкретно-исторические состояния наследуются, испытывая влияние движущихся рядом других конкретных состояний. А исторические носители снова и снова встречаются с новыми, далеко не всегда и далеко не сразу понятными факторами, случайностями, ошеломляющим многообразием возможного.

В истории действует фактически бесконечная (для носителей) совокупность конкретно-исторически данных факторов, что затрудняет движение к теоретически обоснованным выводам. И последнее здесь: какой бы неполной и спрямленной ни была такая картина, нельзя отрицать, что всегда необходима и правомерна ее все более и более полная прорисовка — как теоретико-методологическая, так и социально-практическая (прогностическая, ценностно-мобилизующая).

Особенно сложным является рассмотрение аналитических и синтетических процессов именно в переходную эпоху, когда встречаются и вступают в затяжное противоборство две исторические системы — уходящая и наступающая. Ставшая эпоха как эпоха сформировавшегося исторического качества легче и полнее осознается историческими субъектами уже потому, что в этот период синтетическая форма новой эпохи обозначается более или менее явно, зримо, а аналитические процессы ослабевают, смягчаются, хотя и не исчезают. В переходную эпоху, напротив, происходит взлет аналитических процессов, процессов обособления, «элементаризации». Притом что — это надо подчеркнуть — стремление к синтезу намечается и здесь. Более того, в эту эпоху может возникнуть и часто возникает иллюзия того, что революция как явное свидетельство наступления новой эпохи ответила «в основном», «в целом» на все вопросы, которые она перед собою поставила, и новое синтетическое целое уже наличествует не только в сознании, но и в самой исторической действительности. Вместе с тем, какой бы конкретно неповторимой ни была переходная эпоха в разных странах и на разных стадиях общественного развития, вполне правомерно и методологически существенно ставить вопрос об обще-

типологических характеристиках исторической переходности и проявлениях в этой ситуации аналитических и синтетических тенденций.

Во-первых, в этой связи следует еще раз подчеркнуть, что переходная эпоха, особенно в ее начальный революционный период или при переходе от одного этапа этой эпохи к другому, характеризуется преобладанием аналитической тенденции над синтетической. Здесь явно просматривается критическое отношение исторических протагонистов к угасающему синтезу уходящей эпохи. А будущее, потому что оно являет себя как качественно новое состояние, моделируется в самых разных вариантах. На это влияют и социально-групповые интересы, и стремление понять свой национальный путь, опираясь на исторический опыт других народов, и ментальные чаяния масс, и случайности — многообразные и неожиданные. При этом что каждая обособившаяся аналитическая линия выдвигает свой синтетический проект будущего.

В революционный период переходной эпохи разрушается устоявшийся привычный порядок общественного бытия. Беспорядок и даже хаотизация жизни захлестывают людей, проступают явно и беспощадно, несут страдания, лишения и смертоносные гражданские столкновения. Картины прогнозируемого порядка зачастую умозрительны, предельно идеологизированы или даже романтизированы. Старые социально-политические формы, старые социальные институты не исчезают бесследно, многие из них по необходимости используются для решения новых задач (прежде всего военных) — разумеется, в новой идеологизированной оболочке. Что касается унаследованных ценностных миров, культурного наследия, то они подвергаются жесткой ревизии. Определенная часть этого наследия осуждается. Это относится прежде всего к религии, ибо она укоренена в народном сознании, но также и к другим мировоззренческим сферам. Дальше всех пошли большевики, выдвинувшие концепцию научного атеизма, который не был ни научным, ибо опирался на «прописи» французского материализма XVIII в., ни атеизмом, ибо сама идея коммунизма как «светлого» будущего опиралась на веровательные начала (утопии Возрождения, социалистов-утопистов XIX в. и религиозно утопический менталитет русского крестьянства и др.). По мере удаления от революционных событий аналитическое обособление ослабевает, расширяется поле синтеза, романтизация действительности и утопические надежды утрачивают свои одухотворяющие импульсы.

Во-вторых, в эпоху перехода к качественно новым реалиям, а особенно в период революционного брожения, острой является потребность в порядке, организации и синтезе, с одной стороны, а с другой — еще не сложились реальные предпосылки социально-исторической реализации этой потребности, и как следствие, вырисовывается ситуация «псевдоморфных» образований, обеспечивающих механическое функционирование социального организма, но не его органическое развитие. Исторические причины появления нежизнеспособных «сростков», «псевдоморфоз» самые разные — тут и необходимость обеспечивать функционирование общественного организма любой ценой, в том числе насилием, репрессиями, оружием, и некритическое бездумное усвоение исторического опыта других народов, и нежелание или неспособность принимать во внимание историческо-генетическую специфику развития государств и цивилизаций, и узкокорыстные цели тех или иных социальных сил и др.

В-третьих, в переходную эпоху, и ярко, выпукло в ее революционный период, анализ и синтез понимаются как процессы, объективно обусловленные законами, религиозными или философскими концептами, некогда раз и навсегда открытыми и заданными усвоившему их человечеству. Наступает время господства номотетики, морфологизма, доктринерства, которые в силу необходимости существенно упрощают реальную картину движения исторической жизни. Следует уточнить, однако, что законы и концепты эвристичны и имеют в этот период мобилизующее значение. Однако они недостаточны для понимания сложной, быстро изменяющейся действительности, вновь рождающихся конкретно-специфических форм. Причем именно революционеры, хотя и не только они, уповают на всеислие открытых законов и логических форм исторического развития. Иногда настолько, что конкретно-историческая специфика, особенности исторического генезиса, типологизирующие подходы если и не игнорируются совсем, то зачастую не принимаются во внимание. Духовным вождям (религиозным пророкам, политическим мыслителям, философствующим «новым» учителям) безраздельно верят. За ними идут, ибо они близки умонастроению масс. Эти вожди возвещают о том, что они знают, как остановить аналитический распад в настоящем и какую сторону выбрать на пути к синтезу и гармонизации общественных отношений в будущем. Они всегда претендуют на понимание будущих «процессов», формируют «точные законы» прогресса — движения от низшего к высшему, например от буржуазного несчастья к коммунистическому раю.

В период революции эти вожди настаивают на верности своей картины аналитического распада. Исторический синтез, будущий порядок мыслится ими как нечто заданное божественным провидением или некой исторической закономерностью. Последний вариант осмысления аналитических и синтетических процессов в европейской истории — 1917 год. После революции Россия с трудом освобождалась от идей классовой борьбы, от идей вражды, обособления социальных групп и от иллюзий о коммунистическом синтезе, который в силу его утопической бессодержательности не мог быть реализован. Номотетистская ограниченность марксизма-ленинизма осложняла общественные процессы во все периоды советской истории. Опасность номотетистского доктринерства понимал и сам вождь революции — В. И. Ленин. Его радикализм подпитывался верой в открытые К. Марксом законы общественного движения всего человечества к коммунизму — некоему «окончательному» синтезу, «последней» социальной гармонии без Бога, без диалектики борьбы, без обозначения новых исторических этапов, где уже и сама история оказывается без истории, где устанавливается все возрастающее потребление и сознание является вторичным и едва ли не второстепенным свойством социальной материи. Отстаивая идеи классовой борьбы, воинствующего материализма, мечтая о коммунистической утопии, В. И. Ленин, будучи политическим вождем своей страны и своего народа, взывал к изучению аналитической конкретики, особенно после 1917 г., к отказу от доктринерства, к осмыслению особенностей революционной борьбы в крестьянской России. В известной мере он понимал значение исторической конкретики. Очевидно вместе с тем, что марксизм-ленинизм «застревал» в революционаристском догматизме. На протяжении всей советской истории марксистские идеологи опаздывали как раз там, где надо было искать новые синтезы, «заделывать» аналитические разломы и распады,

учитывать конкретику меняющейся исторической жизни. Впрочем, и в наши дни также мешают номотетистская ограниченность и доктринерство — теперь уже не на основе «руководящего» советского опыта и изучения новых, не наблюдавшихся в прежние эпохи аналитических и синтетических процессов, а на основе опыта западноевропейского развития, который, разумеется, полезен, как и любой другой опыт, но далеко не всегда эффективен, потому что его корни вырастают на своей исторической почве.

Завершая настоящее исследование, резонно поставить еще один, последний вопрос — актуальный столь же теоретически, сколь и социально-практически. Это вопрос о том, когда началась переходная эпоха в истории современной России и когда она завершилась.

Ответ на этот вопрос сильно осложняется тем, что не получившая формы, становящаяся современность довлеет над теоретическими умозаключениями по поводу динамики аналитических и синтетических процессов. Если принять гипотезу о начале переходного периода в 1917 г., то за этим с необходимостью потянется шлейф экономической, социально-политической и культурной проблематики и прошлого, и сегодняшнего времени. Если же попытаться объявить началом переходной эпохи 80–90-е годы прошлого века (а это идеологически приемлемо для большой, если и не большей, части ведущих элит), тогда социалистическая идея едва не полуторастолетней давности — какой бы незрелой, противоречивой она не оказалась в исторической действительности России — сразу как бы отбрасывается для будущей России.

В этой связи вырисовывается и другой вопрос, а именно: завершились ли к настоящему времени аналитические процессы и вступила ли страна в завершающую стадию социального и культурного синтеза. Если считать, что переходная эпоха обозначилась в начале XX в., то никак нельзя утверждать, что она завершилась к 80–90-м годам прошлого столетия. Ибо чем была тогда эта эпоха — историческим тупиком, провальной, волюнтаристской инициативой большевиков? Или ее как бы не было вовсе, а было лишь одно достойное забвения время и место?

В 1917 г. была сметена не только феодальная Россия, но и от буржуазной России ничего не сохранилось, и последним пал НЭП. Сложилась полувоенная командно-административная система. От старой России остались урезанное культурное наследие, революционная традиция и псевдоморфные образования, нацеленные на сохранение национального суверенитета, развитие народного хозяйства, образования, науки и культуры на основе мобилизационной экономики, марксистско-ленинского вождизма, марксистско-ленинской идеологии, вульгарного материализма и атеизма. Новый синтез не получился; советская власть рухнула.

Намеком нового синтеза в 80-е годы стала горбачевская перестройка, которая оказалась в силу целого ряда причин прелюдией постсоветского периода переходной эпохи — противоречивого, с диаметрально противоположными векторами государственно-исторического движения. Вперед — к свободному и творческому созиданию в условиях рынка, демократии и развитых духовных импульсов. Но, увы, и назад — к уродливым «сросткам», а именно к государственно-монополитическому капитализму, однажды уже сметенному революционной волной, к демократическому централизму, где централизма больше, чем демократии, чудовищному социальному расслоению, духовным псевдоморфозам.

В последние годы становится все более очевидной необходимость органического синтеза исторического опыта, выстраданного российским народом в дореволюционный период, в Советской России и в последнюю четверть века. Хотя еще и сегодня не преодолен аналитический раздрай; новому народному синтезу сопротивляются и властвовавшие в ельцинскую эпоху силы, и адепты авторитарных методов управления (от монархистов до сталинистов).

Уроки Великой революции российским народом не просто выучены; они становятся очевидными. И сегодня, с одной стороны, необходимо избежать аналитических потрясений, распадов и разломов, т.е. продвигаться к упорядочивающему, органическому синтезу путями эволюции, а с другой — решительно и последовательно уходить от застоя, консервации сложившихся псевдоморфоз. Другими словами, необходимо сдерживать разрушительное влияние аналитической «элементаризации» и всемерно способствовать укреплению синтетических созидательных тенденций.

Литература

1. Соловьев В. С. Три речи в память Достоевского // Соловьев В. С. Соч.: в 2 т. М.: Мысль, 1988. Т. 2. С. 289–323.
2. Федоров Н. Ф. Супраморализм, или всеобщий синтез (т.е. всеобщее объединение) // Федоров Н. Ф. Соч. М.: Мысль, 1982. С. 473–503.
3. Федотов Г. П. Проблемы будущей России. Политическая проблема // Федотов Г. П. Судьба и грехи России (избранные статьи по философии русской истории и культуры): в 2 т. СПб.: София, 1991. Т. 1. С. 256–269.
4. Трёльч Э. Историзм и его проблемы. Логическая проблема философии истории. М.: Юрист, 1994. 719 с.
5. Щученко В. А. Метаисторическое и конкретно-историческое: историко-культурное измерение. СПб.: СПбГУКИ, 2010. 183 с.
6. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. СПб.: Глагол, 1995. 514 с.

Для цитирования: Щученко В. А. Процессы анализа и синтеза в переходную эпоху. К столетию русской революции // Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология. 2017. Т. 33. Вып. 4. С. 425–435. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu17.2017.404>

References

1. Solov'ev V. S. Tri rechi v pamiat' Dostoevskogo [Three speeches in memory of Dostoevsky]. Solov'ev V. S. *Sochineniia* [Writings: In 2 vols.]. Vol. 2. Moscow, Mysl' Publ, 1988, pp. 289–323. (In Russian)
2. Fedorov N. F. Supramoralizm, ili vseobshchii sintez (t.e. vseobshchee ob'edinenie) [Supramoralism, or universal synthesis (i.e. universal unification)]. Fedorov N. F. *Sochineniia* [Writings]. Moscow, Mysl' Publ., 1982, pp. 473–503. (In Russian)
3. Fedotov G. P. Problemy budushchei Rossii. Politicheskaiia problema [Problems of the future of Russia. Political problem]. Fedotov G. P. *Sud'ba i grekhi Rossii: (izbrannye stat'i po filosofii russkoi istorii i kul'tury)*. In 2 vols. St. Petersburg, Sofia Publ., 1991, vol. 1, pp. 256–269. (In Russian)
4. Troelch E. *Istorizm i ego problemy. Logicheskaiia problema filosofii istorii* [Historism and its problems. Logical problem of philosophy of history]. Moscow, Iurist Publ., 1994. 719 p. (In Russian)
5. Shchuchenko V. A. *Metaistoricheskoe i konkretno-istoricheskoe: istoriko-kul'turnoe izmerenie* [Metahistorical and concrete historical: historical and cultural dimension]. St. Petersburg, SPbGUKI, 2010. 183 p. (In Russian)
6. Danilevskii N. Ia. *Rossiia i Evropa. Vzgliad na kul'turnye i politicheskie otnosheniia slavianskogo mira k germano-romanskomu* [Russia and Europe. A glance at the cultural and political relations of the Slavic world to the German-Romanic]. St. Petersburg, Glagol Publ., 1995. 514 p. (In Russian)

For citation: Shchuchenko V.A. The processes of analysis and synthesis in the transitional epoch. Toward a 100 years of the Russian revolution. *Vestnik SPbSU. Philosophy and Conflict Studies*, 2017, vol. 33, issue 4, pp. 425–435. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu17.2017.404>

Статья поступила в редакцию 15 мая 2017 г.

Статья принята в печать 13 июня 2017 г.